

Она могла тихонько сидеть в уголке, наблюдая за всем происходящим вокруг и постепенно привыкая к этому совершенно новому миру.

В один прекрасный день в доме вдруг стало шумно.

Пришло много гостей, гостиная заполнилась людьми, шелестели платья, звучали тихие, веселые голоса — царило всеобщее оживление. Няня внесла Мэри в гостиную и без церемоний усадила на низкий табуретик в углу; её короткие ножки не доставали до пола и болтались в воздухе, словно какое-то ничтожное украшение.

Никто не обращал на неё внимания.

А ей такое положение было только в радость: она сидела тихонько, во все глаза глядя по сторонам и прислушиваясь к разговорам взрослых.

Миссис Беннет сдружилась с одной из знакомых дам, они склонились друг к другу и о чем-то шептались вполголоса, переполненные восторга и ожиданий.

Нетерфилд снова сдали, представляешь? Говорят, это какой-то богатый молодой холостяк! Молодой, красивый, годовой доход — четыре-пять тысяч фунтов!

Холостяк! Конечно же, холостяк! С такими-то данными — разве ж он мог успеть жениться!

Как только он приедет, мы непременно должны навеститься первыми, нельзя позволить дочкам других соседей опередить нас. У меня столько прелестных дочек, надо хоть примелькаться, авось, когда Джейн подрастет должным образом, удастся...

Имение Нетерфилд.

Одинокий богач.

Четыре-пять тысяч фунтов.

Все эти чуждые и в то же время знакомые слова, словно камешки, брошенные в гладь, падали в безмятежное озеро сердечка Мэри.

Она подняла глаза и посмотрела на сестер, сидевших в гостиной.

Джейн сидела среди круга юных барышень — тихая, с мягким выражением лица, она не стремилась первенствовать и ни с кем не спорила. Подобно тихо распустившемуся цветку, она казалась всем самой послушной и прекрасной девушкой.

Элизабет сидела у окна с книгой сказок в руках, но вовсе не читала — её взгляд был устремлен куда-то за окно, глаза сияли живым умом, а в характере угадывались не по годам зрелые холодный рассудок и проницательность.

А она сама сидела в углу, забытая всеми.

Дни текли своим чередом и в тишине; миссис Беннет снова забеременела, снова родила и снова разочаровала мистера Беннета.

Снова родилась девочка.

В семье Беннет росло пять дочерей, и не было ни одного сына.

Имение Нетерфилд.

Семья Беннет.

Пять дочерей.

Джейн.

Элизабет.

Мистер Беннет, миссис Беннет.

И — Мэри Беннет.

Все те слова, что прежде существовали лишь на страницах книг, все те до боли знакомые имена, все те сюжетные линии, высеченные в памяти, словно молния, в одно мгновение взорвались у неё в голове.

Джейн Остин.

Гордость и предубеждение.

Роман, прочитанный ею с детства, где каждый персонаж и каждый поворот сюжета были ей знакомы до мелочей.

Она знала судьбы всех пяти дочерей семейства Беннет, знала нежную любовь Джейн и Бингли, знала гордость и предубеждение Элизабет и Дарси, знала безрассудство и легкомыслие Лидии,

знала заурядность Кэтрин.

И она сама — Мэри Беннет.

Самая незаметная, наименее любимая и лишенная всякой индивидуальности третья дочь во всей истории.

Обычная внешность, скучный характер, все мысли только о книгах, сухая и лишенная воображения, без захватывающих любовных историй и ослепительного блеска. В этой истории она словно прозрачный задник сцены, которой автор даже не удосужился уделить хоть сколько-нибудь значимого внимания.

В прошлой жизни она была Чжан Мэри — закомплексованная, заурядная, вечно смущающаяся собственного имени.

В этой жизни она переродилась, но стала Мэри Беннет.

Всего лишь второстепенной фигуркой из романа, которую мало кто удосужится запомнить.

Солнечный свет проникал сквозь окно, падая на её хрупкую фигурку — теплый, но не слепящий.

Мэри сидела на маленьком табурете в углу, её короткие ножки легко покачивались, а в глазах царило полное спокойствие.

Никакой паники, никаких жалоб, никакого внутреннего сопротивления.

В прошлой жизни она жаждала заурядности, но оказалась скована странным именем; в этой жизни она стала самым заурядным человеком на свете — настолько заурядным, что даже попав на страницы книги, осталась незамеченной для всех.

Пожалуй, в этом и заключалась её судьба.

От Чжан Мэри — к Мэри Беннет.

От исхода весны на улице Хуайхай — к британской глубинке девятнадцатого века.

От отчаянной попытки спасения — к тихому и незаметному перерождению.

Её жизнь началась заново.

На этот раз без неловких имен, без суетной тревоги, без внезапной смерти.

Осталась лишь тихая, обыкновенная жизнь, принадлежащая ей одной.

Пусть даже она всего лишь Мэри Беннет. Глава 3. Обучение

Когда пришло то письмо, Мэри исполнилось пять лет.

Она сидела на корточках в тени у лестничного пролета, зажав в пальчиках перышко, выбранное во дворе, и пыталась выводить им на полу какие-то знаки. Она знала множество букв — еще из прошлой жизни, — но её нынешние детские пальчики никак не хотели её слушаться, и выходившие из-под них буквы получались кривыми и корявыми, словно стая захмелевших гусениц.

Голос мистера Беннета доносился из кабинета, звуча громче обыкновенного.

Что ж, таково веление судьбы.

Затем раздался голос миссис Беннет — визгливый, срывающимся на плач: Мои нервы! Мои бедные нервы больше этого не вынесут! У нас пять дочерей, ни одного наследника мужского пола, никакого состояния, и этот двоюродный племянник явится только за тем, чтобы забрать абсолютно всё! Как ты вообще можешь сидеть там и читать книгу!

А что по-твоему мне делать? — голос мистера Беннета стал холоднее. — Пойти на улицу и проклинать судьбу?

Тебе следует бывать в обществе! Заводить знакомства с богачами! Пока не поздно, подыскать дочерям надежное пристанище...

Дорогая, — прервал её мистер Беннет. — Джейн всего десять, Лиззи восемь. Ты хочешь, чтобы я вывел их на рынок невест во время какого-нибудь бала?

Мэри присела на корточки у лестницы, и перо в её руке замерло.

Двоюродный племянник. Ни одного брата.

Она медленно поднялась, опираясь рукой о стену, и на цыпочках заглянула в кабинет.

Мистер Беннет сидел за письменным столом, сжимая в пальцах письмо, и выражение его лица было ей незнакомо. В нем не было привычной насмешки, не было отгороженности, с которой он обычно прятался за горами книг, а было... она задумалась... словно у него выдернули что-то

самое главное.

Миссис Беннет уже всю заливалась слезами, прикладывая к глазам платочек, с которым никогда не расставалась.

Что же нам делать? Как быть нашим пятерым дочерям? Если с тобой что-нибудь случится...

Со мной пока ничего не случится. — Мистер Беннет сложил письмо и положил его обратно на стол. — Но ты права, дорогая, мне действительно следует кое-что предпринять.

Рыдания миссис Беннет оборвались.

Ты... ты согласен бывать в обществе?

Я туда не пойду. — Мистер Беннет поднялся с места, подошел к окну и повернулся к ней спиной. — Я приглашу людей сюда.

Полдня спустя в Лонгборне появилась суровая на вид дама с коричневым кожаным чемоданом в руке.

Мисс Уилсон, на вид лет сорока, одетая просто и аккуратно, говорила едва шевеля губами. Она прибыла из специализированного столичного агентства по найму, давшего объявление в газете: Требуется гувернантка для обучения двух барышн чтению, письму, арифметике, французскому языку и музыке, жалованье щедрое.

Мистер Беннет лично принял её, беседовал с ней добрых полчаса, а затем велел позвать Джейн и Элизабет.

Джейн чинно поклонилась, в то время как Элизабет с любопытством разглядывала гостью.

Мисс Уилсон тоже окинула их оценивающим взглядом.

Какие книги барышни читали прежде?

Джейн тихо назвала несколько названий, а Элизабет добавила пару слов от себя. Мисс Уилсон кивнула; на её губах не было и тени улыбки, но в глазах мелькнуло удовлетворение.

Затем она опустила взгляд и заметила в дверях крошечную головку.

Мэри стояла там, одной рукой держась за косяк двери, а в другой всё ещё сжимая то самое подобранное во дворе перышко.

Мисс Уилсон посмотрела на мистера Беннета.

Это... кто?

Мистер Беннет проследил за её взглядом и слегка нахмурился: Это Мэри, третья дочь. Ей всего пять лет, она здесь ни при чем. Няня, уведи третью барышню.

Няня поспешно шагнула вперед, собираясь взять Мэри на руки. Мэри не стала сопротивляться, но её глаза неотрывно следили за мисс Уилсон.

Мисс Уилсон тоже смотрела на неё.

Пять лет? — переспросила она.

Да.

Она смотрит на мою книгу.

Мэри опустила голову и только теперь заметила, что неотрывно таращится на обложку книги в руках мисс Уилсон. Обложка была повернута к ней, и на ней четко выделялась строка: Басни Эзопа.

Эзоповы басмы.

Узнаешь буквы? — спросила гувернантка.

Мэри подняла голову и встретила с этим испытующим взглядом.

Следовало ли ей покачать головой? Ей ведь всего пять лет. Пятилетний ребенок не должен знать эти слова.

Но этот взгляд — взгляд мисс Уилсон — казалось, видел её насквозь.

Мэри потупилась и покачала головой.

Мисс Уилсон больше ничего не сказала. Няня унесла Мэри прочь.

Начиная со следующего дня, Джейн и Элизабет каждое утро занимались в кабинете под руководством мисс Уилсон.

Мэри же оставалась внизу, проводя время с Китти и Лидией. Китти было три года, Лидии — один год, эти крошки целый день бегали и шумели друг за другом, а няня еле успевала следить за ними, переводя дыхание.

Мэри сидела в углу, прислушиваясь к звукам наверху.

Голос мисс Уилсон звучал негромко, разобрать слова было трудно. Но иногда донизу доносились мягкий ответ Джейн или звонкий голосок Элизабет.

Мэри уставилась на потолок.

Она отлично знала, чему именно их учат. Чтение, письмо, арифметика, французский. Всё это она проходила в прошлой жизни. Французский подзабылся, но чтение и письмо... ей так хотелось писать, но пальцы всё еще не слушались.

Она опустила глаза на свои крошечные ручки. Руки пятилетнего ребенка. Мягкие, пухлые, неспособные удержать перо.

Но наверху шли занятия.

Она встала.

В первый день она просто стояла у дверей кабинета.

Дверь была приоткрыта, и мисс Уилсон как раз учила Джейн выводить буквы. Джейн держала перо по всем правилам, и буквы на бумаге получались ровными и аккуратными. Элизабет сидела рядом, перед ней тоже лежал лист бумаги, но она ничего не писала, а задумчиво смотрела в окно.

Мисс Элизабет, — раздался голос мисс Уилсон.

Элизабет повернула голову.

Прошу вас сосредоточиться на бумаге.

Элизабет опустила голову и взялась за перо.

Мэри постояла у порога еще немного, а затем тихонько удалилась.

На следующий день она вернулась.

На этот раз она остановилась у самого проема и простояла внутри дольше. Мисс Уилсон преподавала арифметику: Джейн усердно вела счет, в то время как Элизабет что-то чертила на бумаге.

День третий, четвертый, пятый.

Каждое утро, пока няня теряла бдительность, Мэри прокрадывалась наверх и замирала у дверей кабинета.

Она не заходила внутрь. Просто стояла, прислушивалась и наблюдала.

Пока в один прекрасный день мисс Уилсон сама не распахнула дверь.

Мэри не успела убежать и попалась с поличным.

Мисс Уилсон с бесстрастным лицом посмотрела на нее сверху вниз. Мэри подняла голову и ответила ей тем же взглядом.

Они молча смотрели друг на друга секунды три.

Ты приходишь сюда каждый день, — произнесла мисс Уилсон.

Мэри промолчала.

Тебе понятно то, о чем мы говорим?

Мэри немного подумала, затем качнула головой — то ли утвердительно, то ли отрицательно.

Брови мисс Уилсон чуть заметно шевельнулись — это было самым близким выражением к удивлению, на которое она была способна.

Войди.

В тот день Мэри впервые сидела за учебным столом в кабинете.

Стол оказался слишком высоким, и она до него не доставала. Мисс Уилсон принесла из угла стопку книг и подложила под её стул. Мэри уселась сверху, положила обе руки на столешницу — как раз впору.

Джейн с мягкой улыбкой наблюдала за ней со стороны. Элизабет тоже смотрела на нее, и в её

глазах мелькнула усмешка.

Мисс Уилсон стояла во главе стола, развернув перед собой книгу.

Сегодня мы читаем этот отрывок, — объявила она. — Мисс Джейн, начните первая.

Джейн тихо принялась за чтение, её выговор был чистым, хотя местами она запинаясь. Мисс Уилсон поправила её в нескольких местах, а затем велела продолжать Элизабет.

Элизабет читала беглее, однако пропускала незнакомые ей слова.

Мисс Уилсон не стала её ругать, а лишь указала на эти слова, объясняя их по очереди.

Затем она перевела взгляд на Мэри.

Сколько слов тебе знакома?

Мэри вперила взгляд в страницу. Перед ней была простая басня о лисе и винограде. Она знала каждое слово. Знала еще с прошлой жизни.

Но ей ведь всего пять лет.

Она указала пальчиком на первое слово: The.

Брови мисс Уилсон снова едва заметно дрогнули.

Мэри указала на второе слово: Fox.

Третье: and.

Четвертое: the.

На пятом она запнулась. Это было слово grapes, и она никак не могла вспомнить, как оно произносится.

Она подняла глаза и посмотрела на мисс Уилсон.

Гувернантка тоже смотрела на нее.

В этом взгляде не было ни удивления, ни радости, а скорее... Мэри подумала немного... словно та разглядывала предмет, появление которого никак не предвиделось.

Где ты этому научилась? — спросила мисс Уилсон.

Мэри промолчала. Что она могла ответить? Заявить, что в прошлой жизни была студенткой старших курсов университета? Сказать, что читала эту книгу в оригинале на английском?

Джейн легко коснулась её руки и шепнула: Мэри такая умная.

Элизабет вставила со смешком: Она что, тайком училась вместе с нами?

Мисс Уилсон не стала допытываться дальше.

Она просто захлопнула книгу и произнесла: С завтрашнего дня ты тоже будешь заниматься.

С тех пор Мэри каждое утро сидела рядом со старшими сестрами.

Её стул был ниже всех, и под него приходилось подкладывать больше всего книг. Ей труднее всех давалось удерживать перо, и написанные ею буквы разбирались с большим трудом. Зато объяснения мисс Уилсон она слушала с наибольшим сосредоточением.

Иногда, когда Джейн застревала над какой-нибудь задачей, Мэри тихонько подсказывала ей нужное слово со своего места.

Мисс Уилсон поворачивала голову в их сторону.

Джейн внезапно осеяло: Ах! Верно, именно так...

Иногда Элизабет с досадой отбрасывала перо, и тогда Мэри молча поднимала его и клала перед ней.

Элизабет глядела на нее, вздыхала и снова бралась за учебу.

Месяц спустя мисс Уилсон решила переговорить с мистером Беннетом.

Сударь, я бы хотела поговорить с вами насчет третьей барышните.

Мистер Беннет оторвал глаза от книги: Мэри? Ей всего пять лет. Что, она не поспевает за остальными? Если отстаёт, бросьте это дело, я изначально на неё особо и не рассчитывал...

Она поспевает, — перервала его гувернантка.

Мистер Беннет изумленно замер.

Поспевает?

Все три барышни занимаются вместе, — пояснила мисс Уилсон. — Мисс Джейн усердна, мисс Элизабет умна, но вот третья барышня...

Она запнулась, подыскивая подходящие слова.

Что с ней не так?

Мисс Уилсон произнесла: Она усваивает материал слишком быстро.

Мистер Беннет отложил книгу.

Слишком быстро?

То, что я объясняю, она понимает с первого раза. Кое-чему я её даже не учила, но она всё равно знает. Её вопросы не похожи на вопросы пятилетнего ребенка. Спрашивая почему, она интересуется не просто значением слова, а его происхождением. Вчера она спросила меня, почему английский язык отличается от французского и откуда они вообще оба взялись.

Мистер Беннет на мгновение умолк.

Вы хотите сказать...

Я толком не знаю, как это назвать, сударь. — Выражение лица мисс Уилсон оставалось спокойным, но в голосе прозвучали нотки, которых Мэри прежде никогда не слышала. — Могу лишь сказать, что третья барышня... необычайно одаренный ребенок.

Мистер Беннет откинулся на спинку кресла, глядя в окно.

Зеленели лужайки Лонгборна, вдали паслись коровы и овцы. Пять дочерей. Ни одного сына. Какой-то двоюродный племянник, которому суждено унаследовать всё это.

Он изначально планировал дать образование старшим двум дочерям, чтобы в будущем они могли выгодно выйти замуж. Насчет младших он даже не строил иллюзий — особенно на счет этой третьей дочки, вечно прятавшейся по углам, ничем не примечательной внешне и вовсе не бойкой по характеру. Он был уверен, что она тихо вырастет и тихо выйдет замуж — или вообще

останется старой девой.

Но теперь лондонская гувернантка, повидавшая виды, утверждала ему: эта пятилетняя малышка — ребенок с необычайными способностями.

Он не мог разобрать, что именно творится у него на душе.

Прошло немало времени, прежде чем он заговорил, и голос его звучал тише обычного:

Продолжайте её обучать. Чего бы она ни захотела узнать — учите всему.

Мисс Уилсон кивнула и молча удалилась.

Мистер Беннет остался в кабинете один.

Он снова взял в руки книгу, но глаза его не видели строк.

Пятилетний ребенок, который схватывает всё налету и задает столь глубокие вопросы.

Необычайно умна.

Он вспомнил крошечную головку Мэри, изредка заглядывавшую из-за дверного косяка, и её спокойные глаза.

Быть может, в этом доме таилось то, чего он раньше никогда не замечал.

Снаружи донеслись визги Китти и Лидии — они снова носились за кем-то во дворе. Далеко за дверями кабинета слышались легкие шаги: это Мэри поднималась наверх, чтобы продолжить занятия.

Мистер Беннет опустил голову и вновь углубился в чтение.

Однако к этой книге он так долго не возвращался.

<http://bllate.org/book/22034/2290810>